

товарищу МОЛОТОВУ В.М.

Направляю Вам справку по вопросам, изложенным в протоколе Комиссии ЦК КПСС от 23 апреля 1956 года.

И. Серов И. СЕРОВ

"28" апреля 1956 года

№ 1102-С

Получено 29.12.

Совершенно секретно

СПРАВКА

1. ДАННЫЕ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НИКОЛАЕВА,
ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ И ОКРУЖЕНИИ НА ПРОТЯЖЕ-
НИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ДО УБИЙСТВА С.М.КИРОВА

НИКОЛАЕВ Леонид Васильевич, 1904 года рождения, уроженец г. Ленинграда, из рабочих, образование 6 классов, состоял в ВКП(б) с апреля 1924 года.

Из родственников НИКОЛАЕВА Л.В. нам известны:

отец – НИКОЛАЕВ Василий Николаевич, столяр, алкоголик, умер в 1907 году;

мать – НИКОЛАЕВА Мария Тихоновна, 1870 года рождения, неграмотная, беспартийная, работала уборщицей в трамвайном парке в г. Ленинграде;

жена – ДРАУЛЕ Мильда Петровна, 1901 года рождения, член партии с 1919 года, в 20-х годах работала на комсомольской работе, затем в обкоме партии и последнее время перед арестом – инспектор сектора кадров Уполномоченного НКТП в Ленинграде, в браке с НИКОЛАЕВЫМ с 1926 года;

сестра – РОГАЧЕВА Екатерина Васильевна, 1899 года рождения, член партии с 1918 года, последнее время работала председателем месткома комбината зеленого строительства Выборгского района;

2.

сестра - ПАНТЮЛИНА Анна Васильевна, домохозяйка, проживала в г.Саратове;

брат - НИКОЛАЕВ Петр Александрович, 1911 года рождения, беспартийный, окончил техникум, был призван на службу в Красную Армию в 1933 году, откуда дезертировал в ноябре 1934 года и нелегально проживал у родственников и знакомых в Ленинграде, занимался кражами.

В личных документах НИКОЛАЕВА и материалах Ленинградского партархива имеются следующие сведения о его служебной деятельности:

- с 1918 по 1920 г. - секретарь сельсовета в бывш.Саратовской губ.
- с 1920 по 1921 г. - санитар военно-полевого госпиталя, г.Ленинград
- с У.1921 по 1Х-1922г. - пом.зав.п/о комхоза Выборгского района, г.Ленинград
- с 1Х-1922 по 1923 г. - управделами Выборгского РК ВЛКСМ
- с 1923 по 1925 г. - подручный слесаря на заводе "Красная Заря"
- с 1925 по 1926 г. - управделами Лужского Укома ВЛКСМ
- с 1926 по 1927 г. - культработник на строительстве мелиоративного института, г.Ленинград
- с 1927 по 1У-1931 г. - ~~строгальщик завода "Красный арсенал" и "Карла Маркса"~~
- с 1У по 1Х-1931 г. - ~~референт Ленинградского Обкома ВКП(б)~~
- с 1Х-1931 по УШ-1932г. - зав.фин.сектором Ленинградского облсовета общества "Долой неграмотность"
- с УШ-1932 по Х1-1933г. - инспектор Ленинградской обл.КК РКИ
- с Х1-1933 по 1У-1934г. - инструктор института истории ВКП(б) при Ленинградском обкоме партии

8.

До ареста НИКОЛАЕВ дважды привлекался к партийной ответственности: 29 февраля 1929 года ему было поставлено на вид за неосторожную езду на велосипеде, а 31 марта 1934 года за отказ перейти работать на транспорт первичной парторганизацией он был исключен из партии и одновременно уволен из Института истории ВКП(б) при Ленинградском обкоме партии.

29 апреля того же года Смольнинский РК ВКП(б) отменил решение об исключении НИКОЛАЕВА из партии и ограничился вынесением ему строгого выговора с занесением в личное дело. Это решение было подтверждено Партколлегией Ленинградской области и КПК при ЦК ВКП(б).

Ко времени ареста НИКОЛАЕВА органы НКВД материалами о его принадлежности к антипартийным оппозициям не располагали.

Не было получено об этом об'ективных материалов и в процессе предварительного следствия.

Проверкой по партийным архивам документов, которые бы свидетельствовали о принадлежности НИКОЛАЕВА к какой-либо антипартийной группе, также не обнаружено.

Сам НИКОЛАЕВ в дневнике, из'ятом у него при аресте и озаглавленном "Автобиографический рассказ 1904-1934 г.г.", в мае-июне 1934 г. писал:

"С самого начала оппозиции некоторой части партии, шедшей против линии большинства, мы с Мильдой твердо стояли за генеральную линию партии, за претворение в жизнь ее лозунгов и задач, несмотря ни на какие трудности".

(т.6, л.д. 151).

Из личных записей НИКОЛАЕВА, из'ятых у него при аресте,

4.

явно видно, что он был настроен враждебно и вынашивал террористические намерения.

В письме от 14 октября 1934 года НИКОЛАЕВ писал:

"Дорогой жене и братьям по классу. Я умираю по политическим убеждениям, на основе исторической действительности, ни капли тревоги, ни на йоту успокоения... Помните и распрощ. - я был честолобив к живому миру. Предан новой идее, заботе и исполнению своего долга. Поскольку нет свободы агитации, свободы печати, свободы выбора в жизни и я должен умереть. Помощь из ЦК (Политбюро) не подоспеет, ибо там спят богатырским сном..." (т.5, л.д.14).

В записных книжках НИКОЛАЕВА также имеются следующие записи:

"Мне жизнь не надоела, я с малолетства боролся за жизнь, но сейчас я не только обоесилен и беспомощен помочь людям, но у меня у самого завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

Они бл..... никто не обращают внимания, все ждут пустых заверений.

Я много опустил хороших моментов, но и теперь не буду стрелять из-за угла, пусть меня убьют, но пусть и знают, как терзают и бьют рабочий класс - его верных сыновей. Я не один страдаю, я готов бороться до последнего издыхания, но у меня нет больше надежд на спасение. 29.XI.34 г." (т.5, л.д. 115).

В письме "Мой ответ перед партией и отечеством", адресованном в Политбюро ЦК ВКП(б), НИКОЛАЕВ в октябре 1934 г. писал:

Б.

"Переживания потрясения мои зашли слишком глубоко...

...Везде мы видим так много показного, по малейшему поводу создается шумиха, но нередко слова не сходятся с делом.

Культура растет — но между слабым и сильным, между большим и малым (!) не бескоротно сопровождается борьба за жизнь.

Для нас, для рабочего люда, нет свободного доступа к жизни, к работе, к учебе.

... Везде и всюду по малейшему поводу, как и в прежнее время, висит угроза штрафа.

... С каждым годом вводятся новые суровые законы о применении высшей меры наказания — расстрела.

... Как солдату революции, мне теперь никакая смерть не страшная, я на все готов, и предупредить этого никто не в силах.

Я веду подготовку подобно А. Желябову...

В таких действиях важно одно: силу рения на самопожертвование.

... Если раньше до царя было далеко, то теперь до великих высоко.

... Здесь я выступаю еще более смело, подобно тому, как Ал. Радищев 150-170 лет назад, в эпоху царствования Екатерины II.

Он был одним из смелых людей того времени — который дерзнул возражать против общего порядка, против самодержавия, против Екатерины Великой. У него не было ни т.т., ни организации. Страшно было и говорить о страданиях, обличать несправедливость! Но его сила была в том, что он не мог равнодушно молчать, видя непорядки...

... И сейчас для одних создаются почести и слава, а для других надгробное рыдание.

Да, еще потребуется немало смелых людей, готовых отдать себя во имя исторической миссии. И я готов быть

6.

на это ради (целого) человечества, оставляя на добрых людей - мать, жену и малолетних детей".
(т.5, л.д. 17-24).

В других записях НИКОЛАЕВА говорится:

"Сегодня (как и 5.11) опоздал, не вышло. Уж больно здорово его окружали... Удар должен быть нанесен без мал.промаха. 14.11".

"...Тяжело брешь пробить через 20 телохранителей, надо взять перевес и все же успех будет неожидан...

... Я остаюсь - непоколебим в выполнении намеч. плана... Это историч.факт, нет, я ни за что не примирюсь с тем, с кем боролся всю жизнь (с быв. из бывш.). Остались считать дни, недалек последний час...19.11".

Допрошенная сестра НИКОЛАЕВА - РОГАЧЕВА Е.В. 12 декабря показала:

"О намерении убить Сталина и КИРОВА Леонид НИКОЛАЕВ мне ничего не говорил... При последних встречах он высказывал в резких тонах свое враждебное отношение к руководству Коммунистической партии, жаловался на внутрипартийный режим, был крайне озлоблен и считал необходимым добиваться изменения партийного руководства насильственным путем".

(т.3, л.д. 222).

Что же касается связей НИКОЛАЕВА Л.В., то из показаний его родственников явствует, что НИКОЛАЕВ, особенно в последний период, жил замкнуто, большую часть времени находился дома и почти ни с кем не общался.

Так, жена НИКОЛАЕВА - ДРАУЛЕ М.П. на вопрос - назовите

7.

лиц, у которых бывал или с кем был связан НИКОЛАЕВ, показала:

"НИКОЛАЕВ бывал у своей матери Марии Тихоновны НИКОЛАЕВОЙ и сестры Екатерины РОГАЧЕВОЙ, изредка бывал у моей сестры Ольги ДРАУЛЕ. Иногда они приходили к нему домой. Других лиц, у кого бы бывал или которые приходили к НИКОЛАЕВУ, я не знаю. Бывал иногда у нас брат Петр Петрович ДРАУЛЕ, который осужден за растрату, но НИКОЛАЕВ не был с ним в близких отношениях. Кроме того приходил к НИКОЛАЕВУ его брат Петр, с которым НИКОЛАЕВ до призыва последнего в армию часто встречался. Бывал также КУЛИШЕР Роман — муж моей сестры Ольги и проездом был ПАНТЮХИН Владимир, муж сестры НИКОЛАЕВА — Анны".

(т.3, л.д. 54)

Сестра жены НИКОЛАЕВА — ДРАУЛЕ О.П., показав, что "у НИКОЛАЕВА на дому я никогда никого не видела из его знакомых", в то же время назвала в числе знакомых НИКОЛАЕВА троцкиста КУЗНЕЦОВА и имевшего "какое-то отношение к троцкистам" КОЧЕТЫГОВА. В течение какого периода НИКОЛАЕВ был знаком с этими лицами и поддерживал ли он с ними преступную связь, ДРАУЛЕ не указала.

(т.3, л.д. 71-72).

Сестра НИКОЛАЕВА — РОГАЧЕВА Е.В., допрошенная по этому же вопросу, показала:

"Леонид чуждался людей и мне думается, что у него знакомых, с которыми он поддерживал бы отношения, нет".

(т.3, л.д. 152).

СВЯЗЬ НИКОЛАЕВА С КОТОЛЫНОВЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ, ШАТСКИМ
И ДРУГИМИ.

После ареста КОТОЛЫНОВ на вопрос следствия, знает ли он НИКОЛАЕВА, заявил, что в 1921-1924 г.г. во время комсомольской работы в Ленинграде он сталкивался с НИКОЛАЕВЫМ. В последний раз он мимолетно встретился с ним летом 1932 или летом 1933 года в столовой Выборгского райкома, причем никаких политических разговоров с ним не вел. (т.12, л.д.40,416)

После ознакомления с обвинительным заключением КОТОЛЫНОВ 27 декабря 1934 года подал в Военную Коллегию Верховного Суда СССР заявление, в котором писал:

"... Во время следствия и сейчас я утверждаю, что ни политических настроений, ни политических взглядов НИКОЛАЕВА я совершенно не знал, также я не знал, принадлежал ли он к зиновьевской оппозиции или нет, тем более я не знал, принадлежал ли он за последнее время к группе бывшей зиновьевской оппозиции...

... Что касается показаний НИКОЛАЕВА обо мне, есть просто ложь, клевета или бред сумасшедшего".

(т.13, л.д. 291).

ШАТСКИЙ Н.Н. вначале на следствии заявил, что НИКОЛАЕВА он не знал. На последующих допросах ШАТСКИЙ, опознав НИКОЛАЕВА по фотокарточке, показал, что знал его с 1923 года по комсомольской работе в Выборгском райкоме, а с 1923-24 г.г. до февраля 1934 года с ним не встречался.

В феврале 1934 года он случайно встретил НИКОЛАЕВА в помещении "Истомола" и узнал у него лишь месторасположение "Боевого землячества".

Вторая встреча с НИКОЛАЕВЫМ произошла летом 1934 года на углу улицы Красных Зорь и площади Л.Толстого. Во время этой встречи, продолжавшейся 10-20 минут, он рассказал НИКОЛАЕВУ о своем снятии с работы и намерении вступить в партию.
(т.2, л.д. 154-155).

На очной ставке с НИКОЛАЕВЫМ 20 декабря 1934 года ШАТ-СКИЙ, подтвердив факт двух встреч с ним в 1934 году, отрицал показания НИКОЛАЕВА о своей принадлежности к контрреволюционной зиновьевской организации и участие в подготовке теракта над С.М.КИРОВЫМ.
(т.2, л.д. 284-288).

Как показал ЗВЕЗДОВ, НИКОЛАЕВА Л.В. он знал с 1924 года. Встречался с ним во время работы в Выборгском райкоме и Лужском уездном комитете ВЛКСМ. В последний раз встретился с ним случайно в мае 1934 года во время посещения Дома парт-актива Истомола.

ЗВЕЗДОВ также показал, что, со слов НИКОЛАЕВА и СОКОЛОВА, ему известно о том, что НИКОЛАЕВ был связан по работе с членами организации КОТОЛЫНОВЫМ и СОКОЛОВЫМ. (т.12, л.д. 139).

На очной ставке со ЗВЕЗДОВЫМ 18 декабря 1934 года СОКОЛОВ подтвердил показания ЗВЕЗДОВА. Однако откуда ему было известно об этом, и поддерживал ли он связь с НИКОЛАЕВЫМ, СОКОЛОВ ничего не показал.

АНТОНОВ показал, что НИКОЛАЕВА он знал по его работе в 1922-23 г.г. управделами Выборгского РК ВЛКСМ.
(т.12, л.д. 86).

Со слов КОТОЛЫНОВА, ему было известно, что НИКОЛАЕВ был связан с Ленинградским центром контрреволюционной зиновьевской организации.

КОТОЛЫНОВ на очной ставке с АНТОНОВЫМ 17 декабря 1934 года эти показания АНТОНОВА отрицал.

(т.12, л.д. 248).

С НИКОЛАЕВЫМ, — как показал СОКОЛОВ, — он познакомился в 1924 году во время совместной работы в Выборгском райкоме комсомола. В последний раз он встретил НИКОЛАЕВА накануне октябрьских торжеств 1934 года в Смольном на 1 этаже. У него с НИКОЛАЕВЫМ завязалась беседа, "носившая характер взаимного надуливания".

(т.12, л.д. 47-48).

На очной ставке с СОКОЛОВЫМ 19 декабря 1934 года НИКОЛАЕВ показал, что СОКОЛОВ принял участие в подготовке террористического акта над КИРОВЫМ и помогал ему "в слежке за КИРОВЫМ в Смольном".

СОКОЛОВ эти показания НИКОЛАЕВА отрицал.

(т.12, л.д. 282-283).

МАНДЕЛЬШТАМ на допросе 19 декабря 1934 года показал, что "НИКОЛАЕВ был членом организации". Однако откуда ему стало известно об этом и в чем выражалось участие НИКОЛАЕВА в организации, ничего не сказал.

В суде же МАНДЕЛЬШТАМ утверждал, что он сам участвовал в оппозиции только до 1929 г. и что о принадлежности НИКОЛАЕВА к зиновьевцам он лично ничего не знает.

(т.12, л.д. 428-429).

ХАНИК показал, что от РУМЯНЦЕВА он знал, что НИКОЛАЕВ был связан с КОТОЛЫНОВЫМ с 1922 года, когда они вместе работали в Выборгском райкоме ВЛКСМ.

(т.12, л.д. 163).

РУМЯНЦЕВ же показал, что НИКОЛАЕВА он не знал и никогда с ним не встречался.

ЮСКИН на допросе 7 декабря 1934 года показал, что в 1926 году он проживал с НИКОЛАЕВЫМ в одном доме и знает его с того времени. С НИКОЛАЕВЫМ он встречался всего около девяти раз. В 1934 году с НИКОЛАЕВЫМ он встречался три раза. Первый раз он встретил НИКОЛАЕВА в начале года на улице. В октябре месяце НИКОЛАЕВ дважды приходил к нему на квартиру - звонить по телефону, а второй раз - за деньгами, (т.12, л.д. 41-42).

ЛЕВИН, МЯСНИКОВ, СОСИЦКИЙ и ТОЛМАЗОВ НИКОЛАЕВА в числе своих связей не назвали.

Таким образом, доказательств о принадлежности НИКОЛАЕВА к контрреволюционной зиновьевской организации и наличии у него преступных связей с РУМЯНЦЕВЫМ, КОТОЛЫНОВЫМ, ШАТСКИМ и др. арестованными в процессе предварительного следствия получено не было.

О намерении следствия искусственно связать НИКОЛАЕВА с группой КОТОЛЫНОВА, ШАТСКОГО, РУМЯНЦЕВА и др., помимо документов, приведенных в справке от 20 апреля 1956 г., свидетельствует также письмо быв.нач. СПО НКВД СССР МИРОНОВА, участвовавшего в расследовании дела на НИКОЛАЕВА и других, который 21 декабря 1934 года (т.е. за 6 дней до суда) своему заместителю ЛЮШКОВУ писал:

"Прошу не позднее завтрашнего дня - 22 числа в 8 часов вечера - опросить всех арестованных, числящихся за СПО, по вопросам:

1. Известно ли им, что НИКОЛАЕВ в годы оппозиции к ней примыкал. Какие имеются факты, это подтверждающие.

2. Известно ли им, что НИКОЛАЕВ состоял членом контрреволюционной зиновьевско-троцкистской организации.

Об этом показывает СОКОЛОВ; по этому вопросу в первую очередь надо опросить АНТОНОВА, ЗВЕЗДОВА и др.

...Допросы ваших арестованных по этим пунктам прошу произвести весьма тщательно, имея в виду крайне важное значение этих моментов". (т.38, л.д.50).

Неизвестно кем на этом письме сделана приписка:

"Очень важно, чтобы эту связь и принад. к к.р. орг. подтвердил АНТОНОВ, ибо он связан с РУМЯНЦЕВЫМ, также с последн. связан ТОЛМАЗОВ".

25 апреля 1956 года в гор.Красноярске [агент "Валентин" сообщил], что быв.участник ленинградской оппозиции ЕЛЬКОВИЧ Я.Р. в апреле 1956 г., будучи проездом, рассказал ему, что в 1938 году он содержался в одной камере с бывшим сотрудником НКВД СССР КИМ Р.Н., который, с ссылкой на слова АГРАНОВА, говорил:

"... после доклада АГРАНОВА Я.С. СТАЛИНУ И.В. о предварительных результатах расследования, из которых было тогда уже очевидно, что убийца КИРОВА - НИКОЛАЕВ действовал из чисто личных побуждений, СТАЛИН И.В. резко оборвал АГРАНОВА, заявив, что "нечего заниматься ерундой - КИРОВА убили зиновьевцы".

По словам КИМА, после этого все следствие было подчинено указанию СТАЛИНА..."

Опрошенный 27 апреля 1956 года КИМ Р.Н. (писатель, живет в Москве) подтвердил, что в 1938 г. он содержался в течение нескольких месяцев в одной камере с ЕЛЬКОВИЧЕМ, а также и то, что находился в хороших отношениях с АГРАНОВЫМ. КИМ ныне не помнит, беседовал ли он с ЕЛЬКОВИЧЕМ по поводу следствия по делу, но говорит, что он близко сошелся в камере с ЕЛЬКОВИЧЕМ и беседовал с ним на самые различные темы. КИМ утверждает, что от АГРАНОВА он ничего по делу об убийстве КИРОВА не слышал, но что приезжавшие из Ленинграда сотрудники

НКВД говорили ему о непричастности зиновьевцев к убийству С.М.КИРОВА и утверждали, что НИКОЛАЕВ совершил его по личным мотивам. КИМ одновременно заявил, что ЕЛЬКОВИЧ ему рассказывал, что в 1935 г. он вынужден был дать ложные показания по делу ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других и что следователь обещал сохранить ему жизнь, если он подтвердит их в суде.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ, СВЯЗИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ГРУППЫ КОТОЛЫНОВА, ШАТСКОГО И ДРУГИХ ДО ПРОЦЕССА ОБ УБИЙСТВЕ С.М.КИРОВА

КОТОЛЫНОВ, РУМЯНЦЕВ, МАНДЕЛЬШТАМ, ЛЕВИН, СОСИЦКИЙ, ХАНИК, МЯСНИКОВ и ШАТСКИЙ в прошлом являлись активными участниками зиновьевской оппозиции, за что исключались из партии. Впоследствии все они, за исключением ШАТСКОГО, в партии были восстановлены.

АНТОНОВУ за фракционную деятельность в 1927 году был объявлен выговор.

Данных о принадлежности ЮСКИНА, СОКОЛОВА, ЗВЕЗДОВА и ТОЛМАЗОВА к зиновьевской оппозиции не имеется.

УНКВД по Ленинградской области до ареста вышеуказанных лиц сведениями, чтобы кто-либо из них продолжал заниматься активной антипартийной деятельностью в последние годы и, тем более, о наличии террористических намерений, не располагало. В 1933 году, в период проведения арестов среди троцкистов и зиновьевцев в Ленинграде, УНКВД ставило вопрос об аресте РУМЯНЦЕВА и ЛЕВИНА, но их аресту воспротивился С.М.КИРОВ.

Разработка "Свояки", по которой проходили РУМЯНЦЕВ, ШАТСКИЙ и другие, уничтожена и потому более подробных сведений о имевшихся материалах дать не представляется возможным.

Имеющиеся следственные материалы свидетельствуют о том, что после восстановления в рядах партии между отдельными лицами из числа привлеченных по делу имели место лишь эпизодические, зачастую случайные, встречи. Отдельные же из них не только не встречались, но и вообще не знали друг друга.

КОТОЛЫНОВ признав, что в партию он вернулся с двуруч-
нической целью, показал, что он не порвал с оппозицией и в
последующие годы — какие именно, неизвестно — поддерживал
связь с РУМЯНЦЕВЫМ, МАНДЕЛЬШТАМОМ и ТОЛМАЗОВЫМ, при встречах
с которыми вел политические разговоры. (т. I2, л. д. 416, т. I3,
л. д. 33-34).

Как показал КОТОЛЫНОВ, с ним встречались также ЗВЕЗДОВ
и АНТОНОВ. Однако, к какому периоду относились эти встречи,
и о их характере в показаниях КОТОЛЫНОВА ничего не записано.

В отношении ШАТСКОГО КОТОЛЫНОВ заявил, что его он не
видел с 1928 года.

МЯСНИКОВА, ЛЕЗИНА, ЮСКИНА и других привлеченных по делу
лиц КОТОЛЫНОВ в числе своих связей не назвал.

РУМЯНЦЕВ показал, что в июле 1928 года в его квартире
на вечеринке он показывал КОТОЛЫНОВУ, ХАНИКУ и ТАРАСОВУ по-
лученное им письмо ЗИНОВЬЕВА, в котором давалась установка
"входить в партию формально отказываясь от своих антипар-
тийных взглядов, по существу же оставаться на старых пози-
циях враждебных партии". (т. I2, л. д. 88-89).

В последующий период, как показал РУМЯНЦЕВ, у него
были в 1933-34 гг. три случайные встречи с ХАНИКОМ.

С бывшими участниками зиновьевской оппозиции ТОЛМАЗОВЫМ
и МАНДЕЛЬШТАМОМ РУМЯНЦЕВ встречался в 1933-34 гг. несколько
раз в семейной обстановке. Встречи же его в 1934 году с
АНТОНОВЫМ и ШАТСКИМ носили случайный характер. (т. I2, л. д.
60-61, 157).

ЗВЕЗДОВА РУМЯНЦЕВ знал только по работе в Выборгском
районе, а проходящих по делу СОКОЛОВА и ЮСКИНА в числе ово-
их связей он вообще не назвал.

ШАТСКИЙ Н. Н. на следствии показал, что с контрреволю-
ционной зиновьевской организацией он порвал всякую связь с
1928 года. Из бывших оппозиционеров знал ТОЛМАЗОВА, РУМЯНЦЕВА,

КОТОЛЫНОВА, ЗВЕЗДОВА, ХАНИКА, АНТОНОВА. Из них встречался в 1934 году лишь с ТОЛМАЗОВЫМ и РУМЯНЦЕВЫМ. На политические темы с ними не беседовал и о их политических настроениях осведомлен не был.

СОКОЛОВА, как показал ШАТСКИЙ, он не знал; МАНДЕЛЬШТАМА, МЯСНИКОВА, ЛЕВИНА, СОСИЦКОГО и ЮСКИНА в числе своих связей он не назвал. (т. I2, л. д. 37, 227-229).

По показаниям СОКОЛОВА Г.В., у него были эпизодические встречи лишь с ХАНИКОМ, ТОЛМАЗОВЫМ, АНТОНОВЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ, ЗВЕЗДОВЫМ и НИКОЛАЕВЫМ Л.

ШАТСКОГО, МАНДЕЛЬШТАМА и других проходящих по делу лиц СОКОЛОВ в числе своих связей не назвал.

Как показал СОКОЛОВ, в октябре 1934 года во время встречи с АНТОНОВЫМ на стадионе последний, информируя его об активизации связей бывших зиновьевцев, говорил, что "товарищи укрепляют связь между собою, что РУМЯНЦЕВ встречается с ТОЛМАЗОВЫМ, что восстановлена связь со ЗВЕЗДОВЫМ". (т. I2, л. д. 280).

ЛЕВИН В.С. на первом допросе, не отрицая своих встреч в 1932-34 гг. с бывшими членами зиновьевской оппозиции МЯСНИКОВЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ и ХАНИКОМ, показаний о характере этих встреч не дал.

На одном из последующих допросов ЛЕВИН показал, что МЯСНИКОВ Н.П. был одним из основных руководителей зиновьевской к-р организации в Ленинграде и поддерживал связь с членами организации в Москве. (т. I2, л. д. 303).

Как показал ЛЕВИН, в период 1927-34 гг. им, МЯСНИКОВЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ, МАНДЕЛЬШТАМОМ, СОСИЦКИМ и другими обсуждались вопросы "о необходимости возврата к старому ленинскому политбюро без ТРОЦКОГО, о создании политбюро от СТАЛИНА до БУХАРИНА и РЫКОВА и в последнее время о вводе в политбюро ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА... На встречах я и перечисленные лица

пришли к выводу, что нужно вести активную борьбу за привлечение к руководству партии ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА".

(т. I2, л. д. 235-236).

С КОТОЛЫНОВЫМ ЛЕВИН с 1931 года не встречался, а ШАТСКОГО, СОКОЛОВА, ЮСКИНА и других на следствии не назвал.

ЗВЕЗДОВ В.И. показал, что его встречи с АНТОНОВЫМ и КОТОЛЫНОВЫМ "несомненно носили политический характер, так как наше тяготение друг к другу было основано на стремлении сохранить старые оппозиционные связи". (т. I2, л. д. 83-84).

ШАТСКИЙ, МАНДЕЛЬШТАМ и другие привлеченные по делу лица по его показаниям не проходят.

ХАНИК Л.О. на следствии показал, что с момента его перехода на работу в Кронштадтский райком, т.е. с 1933 года, он продолжал придерживаться тех же взглядов, но организационно уже не был связан с организацией, так как не мог быть постоянно в Ленинграде. (т. I2, л. д. 422).

Вместе с тем ХАНИК показал, что в ноябре 1934 года он случайно встретился с МЯСНИКОВЫМ и ЛЕВИНЫМ. (т. I2, л. д. 233).

С КОТОЛЫНОВЫМ, МАНДЕЛЬШТАМОМ и СОСИЦКИМ он лично не встречался.

ШАТСКОГО, СОКОЛОВА, ЮСКИНА, ЗВЕЗДОВА и АНТОНОВА ХАНИК в числе своих связей не назвал.

СОСИЦКИЙ Л.И. показал, что он до последнего времени встречался в служебной и домашней обстановке с бывшими участниками зиновьевской оппозиции МЯСНИКОВЫМ, ЛЕВИНЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ и МАНДЕЛЬШТАМОМ.

На вопрос, как он может охарактеризовать политические настроения этих лиц, СОСИЦКИЙ показал:

"Из разговоров с этими товарищами и личных впечатлений я считаю, что политические настроения и вся работа этих т.т. характеризует их как выдержанных членов

ВКП/б/... МАНДЕЛЬШТАМ хотя давно не видел, но думаю, что он работает честно, так как уже при встречах с ним в 1929 г. он изжил свои антипартийные взгляды полностью". (т.12, л.д.301-302).

ШАТСКОГО, СОКОЛОВА и других СОСИЦКИЙ в числе своих знакомых не назвал.

АНТОНОВ показал, что он поддерживал связь с РУМЯНЦЕВЫМ, ТОЛМАЗОВЫМ, КОТОЛЫНОВЫМ и ЗВЕЗДОВЫМ на почве общности антипартийных взглядов, а ШАТСКИЙ жил с ним в одной комнате и он знал о его прошлой принадлежности к зиновьевской оппозиции. (т.12, л.д.76, 106).

Как показал ТОЛМАЗОВ, он до последнего времени встречался в служебной и домашней обстановке с РУМЯНЦЕВЫМ, КОТОЛЫНОВЫМ, АНТОНОВЫМ, ФАДЕЕВЫМ и СЕРЕДОХИНЫМ. (т.12, л.д.93-94).

МЯСНИКОВ Н.П. показал, что он поддерживал личную связь лишь с ЛЕВИНЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ и СОСИЦКИМ. КОТОЛЫНОВА он видел примерно в 1931 году случайно на одной из демонстраций, а МАНДЕЛЬШТАМ заходил к нему в Смольный примерно в октябре 1934 года.

ЮСКИН И.Г. показал, что из зиновьевцев он никого не знал, а КОТОЛЫНОВ И. и ШАТСКИЙ ему вообще не были известны. (т.12, л.д.264).

О политических настроениях КОТОЛЫНОВА, РУМЯНЦЕВА и других привлеченных по делу лиц имеются следующие материалы.

КОТОЛЫНОВ, характеризуя настроения членов зиновьевской организации, на допросе показал:

"В свое время руководители нашей организации ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ и ХАРИТОНОВ сис-

тематически воспитывали в среде зиновьевской молодежи резко враждебное отношение к руководителям ВКП/б/ и особенно к т.СТАЛИНУ. Нам постоянно говорилось, что СТАЛИН является основным виновником поражения ЗИНОВЬЕВА и отстранения его от руководящей работы в партии. При этом пускались в ход различные провокационные измышления по поводу якобы личных мотивов отстранения от работы ЗИНОВЬЕВА СТАЛИНЫМ.

От ЗИНОВЬЕВА, БАКАЕВА, ХАРИТОНОВА, ЕВДОКИМОВА я лично неоднократно слышал такие разговоры по адресу т.СТАЛИНА: "лучше бы его не было". СТАЛИНА называли Бонапартом, опирающимся на насилие над партией.

Воспитанные таким образом члены к.-р. организации не только сохранили эти враждебные отношения к тов. СТАЛИНУ, но мы, встречаясь один с другим, обменивались этими к.-р. настроениями и т.о. продолжали их культивировать и распространять". (т.12, л.д.136-137).

Допрошенный по делу ФАЙВИЛОВИЧ Л.Я. показал, что с 1932 года к нему стали систематически заходить участники бывшей зиновьевской оппозиции, главным образом ленинградцы. Часть из них (КОТОЛЫНОВ, ТАРАСОВ) считали себя обиженными и были озлоблены на руководство партии и главным образом на т.СТАЛИНА. При этих встречах они говорили о необходимости привлечения к руководству партией ЗИНОВЬЕВА и его сторонников. (т.16, л.д.167-168).

Аналогичные показания о настроениях бывших участников зиновьевской оппозиции дал на следствии и РУМЯНЦЕВ.

РУМЯНЦЕВ заявил, что среди членов организации культивировались злобные, враждебные настроения в отношении руководства ВКП/б/ и особенно т.СТАЛИНА. Эти настроения не столько возникали среди рядовых членов организации, сколько подо-

превращались сверху. (т.12, л.д.155).

Во время одной из бесед по вопросу внутреннего положения в стране, состоявшейся в 1932 году между КОТОЛЫНОВЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ и ТАРАСОВЫМ, РУМЯНЦЕВ, как показал КОТОЛЫНОВ, заявлял, что

"Страна находится в крайне тяжелом положении. Руководство партии не видит выхода из этого тяжелого положения. СТАЛИН ведет страну к тому, чтобы ввязаться в войну, исходя при этом из того положения, что лучше погибнуть в войне с мировой буржуазией, нежели вследствие провала внутренней политики, являющейся результатом неправильного руководства". (т.12, л.д.300).

По показаниям РУМЯНЦЕВА, из известных ему членов к.р. организации наиболее острую ненависть к руководителям ВКП/б/ и особенно к СТАЛИНУ проявляли ЛЕВИН Владимир, СОСИЦКИЙ Лев и МЯСНИКОВ Николай. (т.12, л.д.181).

СОСИЦКИЙ, МЯСНИКОВ и ЛЕВИН признали, что среди бывших членов зиновьевской оппозиции воспитывалась ненависть к руководству ВКП/б/ и особенно к СТАЛИНУ.

На следствии СОСИЦКИЙ заявил, что он "питал чувство ненависти к т.СТАЛИНУ как человеку, олицетворяющему руководство ВКП/б/". (т.12, л.д.445).

ЗВЕЗДОВ, говоря об идейно-политических взглядах членов зиновьевской организации, на допросе показал:

"Мы были того мнения, что теперь господствует в партии административный произвол, давящий над всей массой членов партии, которые превращаются в бесправных марионеток в руках руководителей. Партийный режим, по нашему мнению, а также отсутствие действительной

самокритики привели всю страну к рабскому повиновению некоронованным царям тт.СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ и другим членам Политбюро ЦК ВКП/б/.

Последние решения партии относительно ликвидации Центральной Контрольной Комиссии и РКК, ликвидации коллегальности в Наркоматах (невыносимые темпы индустриализации, являющиеся по существу ни чем иным, как скрытой формой эксплуатации рабочего класса при голодном пайке) - нами решительно осуждались.

Считая, что партия под нынешним руководством перерождается и ставит под угрозу все завоевания революции, мы, члены организации, были сторонниками изменения состава партийного руководства и за возвращение в состав Политбюро ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ТОМСКОГО, РЫКОВА и БУХАРИНА, лучших учеников ЛЕНИНА. Мы также не могли не реагировать на то, что лучшие сыны революции, участники октябрьских боев, работавшие, не покладая рук, по укреплению Соввласти, находятся теперь в тюрьмах и концлагерях". (т.12, л.д.140-141).

ЮСКИН признал, что у него были антисоветские настроения и недовольство партийным руководством. (т.12, л.д.57).

Что касается ШАТСКОГО, то он на следствии заявил, что с 1928 года, т.е. после отхода от оппозиции, антипартийной деятельностью не занимался.

Таким образом из материалов дела усматривается, что привлеченные по настоящему делу лица, встречаясь между собой, высказывали отдельные антипартийные взгляды, обиды на свое положение, возлагая вину за это на руководство партии. Однако из-за обобщенных форм записей в протоколах сделать вывод о том, к какому периоду относятся те или

иные высказывания: к периоду активной борьбы оппозиции, к периоду 1929-31 годов или к периоду, непосредственно предшествовавшему аресту, нельзя.

При оценке этих показаний следует учесть и то, что некоторые из подсудимых существенно изменили их в суде, о чем сказано в справке от 20 апреля с.г.

Как арестованные готовились следователями к показаниям, видно из [донесения внутрикамерного агента], сидевшего вместе с ЗВЕЗДОВЫМ:

"Вчера, придя от следователя, ЗВЕЗДОВ говорил, что он вполне сознает свою вину и на суде будет держать себя так, чтобы у суда не было никаких сомнений, что я что-либо хочу скрывать или увиливать. Но перед судом я бы хотел поговорить со следователем о том, чтобы точно уяснить все детали, в чем я виноват и в чем я могу быть уличен другими обвиняемыми, а то, говорит он, "я расстроившись потерял систему в тех показаниях, которые мною даны следователю по этому". Думаю, говорит он, что я выдержу до конца процесс, правда, в последнем слове, когда я буду просить о снисхождении, то я наверняка расплачусь. 28.АП-34 г." (дело-формуляр № 23133 на Звездова В.И., л.д.50).

III. ОБ АНТИПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИХ ГРУПП В ПЕРИОД 1932-1934 ГОДОВ В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

В процессе подготовки настоящих материалов были изучены докладные записки ОГПУ-НКВД СССР за исследуемый период, адресованные в ЦК партии, личные архивы ЯГОДЫ и АГРАНОВА, материалы и приказы по линии бывшего СПО НКВД СССР.

Рассмотрены также агентурные разработки на ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА.

По нашему заданию УКГБ по Ленинградской и Московской областям провели аналогичную работу по своим архивам.

В результате изучения всех вышеуказанных материалов каких-либо данных о деятельности зиновьевцев, направленной на формирование и организацию контрреволюционных блоков, центров и т.п., обнаружить не представилось возможным. Также не обнаружено данных (если не считать материалов процесса группы КОТОЛЫНОВА, НИКОЛАЕВА и других и ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и др.) и о наличии террористических настроений среди бывших участников зиновьевской оппозиции.

В этом отношении интересным является отчетный доклад ОГПУ, направленный 25 декабря 1933 года секретарю ЦК ВКП/б/, в котором сообщалось о ликвидации органами госбезопасности наиболее важных контрреволюционных организаций по СССР с краткой характеристикой их деятельности за период с 1930 по 1933 год.

Из отчета видно, что за три года органами госбезопасности было ликвидировано 80 контрреволюционных организаций, в том числе: "Промпартия" и ее боевая организация, меньшевистская организация "Союзное бюро РСДРП", военная офицерская контрреволюционная организация, военная офицерская контрреволюционная организация в морских силах, шпионско-вредительская организация в системе бактериологии, эсеровские контрреволюционные организации; контрреволюционные вредительские и диверсионные организации в народном хозяйстве СССР: в нефтяной, угольной, энергетической, металлургической, химической, машиностроительной, легкой, лесной, пищевкусовой и оборонной промышленности.

В нем также указано, что органы ликвидировали следующие антипартийные контрреволюционные организации: троцкистскую организацию двурешников во главе со СМЕРНОВЫМ И.Н., троцкистскую организацию "Всесоюзный организационный центр большевиков-ленинцев", группу "Союз марксистов-ленинцев",

организацию правых (Всесоюзная конференция УГЛАНОВА, СЛЕП-КОВА и др.), антипартийную группировку правых, но ни слова не говорится о вскрытии какой-либо враждебной деятельности со стороны бывших "зиновьевцев".

В просмотренных ежедневных рапортах СПО НКВД СССР за 1934 год об арестах, результатах допросов арестованных и наиболее важных агентурных донесениях, поступивших за сут-ки, также ничего не сообщается о наличии каких-либо данных о вражеских проявлениях среди зиновьевцев, о попытке консо-лидации их сил.

Отсутствие таких данных в отчетах свидетельствует о том, что органы ОГПУ-НКВД в 1930-1933 годы не располагали заслуживающими серьезного внимания материалами о враждебной партии деятельности участников бывшей зиновьевской оппозиции.

В архивах УКГБ Ленинградской области обнаружены мате-риалы об аресте в январе-феврале 1933 года 15 групп и 9 оди-ночек с общим количеством 71 участник так называемого троц-кистско-зиновьевского подполья г. Ленинграда.

Все эти группы (в основном чисто троцкистские) прово-дили враждебную деятельность самостоятельно, вне связи друг с другом. Однако, по непонятным причинам, обвинительное заключение по ним составлено одно. Арестованным по этим делам вменялось в вину, что они вели контрреволюционную деятельность на платформе, идентичной контрреволюционным установкам троцкистско-зиновьевского блока, что они вели организационную работу по вербовке единомышленников, соби-ранию и консолидации троцкистско-зиновьевских кадров, зани-мались поисками лидеров для своей организации, вели пропа-ганду своих взглядов и в отдельных случаях занимались ор-ганизацией контрреволюционных стачек. В террористических намерениях никто из них не обвинялся.

Из агентурных разработок, заведенных в 1932 году в

Москве, на ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, усматривается, что в октябре 1932 года оба они были исключены из ВКП/б/ за сокрытие от Центрального Комитета партии факта распространения группой РЮТИНА антипартийных контрреволюционных документов.

ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ в процессе партийного расследования признали, что они были знакомы с рютинской платформой и обращением к партии, но не сообщили о их существовании в ЦК ВКП/б/. Однако оба они утверждали, что, получив эти документы для ознакомления от СТЭНА, они якобы не знали, кто являлся их автором.

После исключения из партии решением Коллегии ОГПУ оба они были направлены в ссылку, КАМЕНЕВ - в г.Минусинск, ЗИНОВЬЕВ - в г.Кустанай.

Агентурной разработкой по месту ссылки, в том числе и перлюстрацией корреспонденции, никаких данных о проведении ими какой-либо антисоветской антипартийной деятельности добыто не было.

В конце 1933 года обоим им было разрешено возвратиться в Москву.

За последующий период никаких материалов о их преступной деятельности агентурным путем получено также не было. Судя по имеющимся оперативным материалам, ЗИНОВЬЕВ и особенно КАМЕНЕВ после возвращения из ссылки мало с кем общались.

Будучи привлеченными к уголовной ответственности в связи с убийством С.М.КИРОВА, ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ признали, что они несут моральную ответственность за убийство, поскольку убийцей, как это им было сообщено, является участник ленинградского зиновьевского центра. Однако оба они утверждали, что не знали о существовании такого центра и тем более о намерении совершить террористический акт против С.М.КИРОВА.

Из показаний обвиняемых, привлеченных к ответственности по делам о так называемых ленинградском и московском центрах, также не видно наличия четко организованных контрреволюционных групп. Большинство из этих лиц ранее примыкало к зиновьевской оппозиции и более или менее активно участвовало в антипартийной борьбе.

После 1928 года все они систематически между собой не встречались, их встречи носили эпизодический характер (2-3 раза в год). Некоторые из так называемых членов одного и того же центра вообще между собой не были знакомы или, во всяком случае, не встречались в течение ряда лет. Бесспорно, что, когда они все же встречались между собой, они высказывали обиды на их положение и критиковали линию партии с своих прежних зиновьевских позиций, а также высказывали недовольство в адрес руководителей партии и чаще всего СТАЛИНА. Это недовольство обострилось у них в связи с выводом ЗИНОВЬЕВА из состава редколлегии журнала "Большевик", который они расценивали как проявление дальнейшего зажима быв.участников оппозиции, якобы не вызываемого поведением их самих.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ С.М.КИРОВА

На всем протяжении работы С.М.КИРОВА в Ленинграде положение с его охраной было явно неудовлетворительным. До конца 1933 года вся охрана С.М.КИРОВА состояла из двух человек. Один из них БОРИСОВ дежурил в приемной С.М.КИРОВА в Смольном, а второй - БУКОВСКИЙ сопровождал его только при выездах за город.

Таким образом, в наиболее опасной обстановке, при поездках и хождении пешком по городу, С.М.КИРОВ, по существу, оставался вообще без охраны.

С начала 1934 года охрана С.М.КИРОВА была несколько увеличена. При его квартире швейцаром был поставлен сотрудник оперода, были специально подобраны лифтеры, для сопровождения по городу стали выделяться два сотрудника, были установлены подвижные посты у подъезда Смольного, на 3 этаже Смольного, где работал С.М.КИРОВ, и у дома, где он жил.

Несмотря на увеличение штата охраны, организована она была так, что не обеспечивала непрерывной охраны. У С.М.КИРОВА не было постоянного комиссара, который сопровождал бы его повсюду. Два сотрудника должны были брать его под охрану по выходе из дома и сопровождать только до Смольного, по выходе из машины С.М.КИРОВ один шел до вестибюля Смольного, где его обязан был встретить БОРИСОВ и сопровождать к служебному кабинету.

В связи с отсутствием постоянного комиссара и возможностью нечеткой передачи охраны от одних лиц к другим, не исключено было оставление С.М.КИРОВА на некоторое время совершенно без охраны.

Неудовлетворительное состояние охраны усугублялось отсутствием разработанного плана охраны и письменных инструкций для работников оперода.

Об отсутствии требовательности со стороны руководства УНКВД Ленинградской области к работникам оперода свидетельствует и установившийся порядок, когда никто от лиц, охранявших КИРОВА, не требовал суточных рапортов о замеченных ненормальностях и подозрительных лицах.

Халатность в организации охраны С.М.КИРОВА проявилась также и в подборе личного состава охраны. Так, например, БОРИСОВУ, осуществлявшему физическую охрану С.М.КИРОВА в Смольном, в то время было 53 года. До привлечения его к охране он работал ночным сторожем. КОТОМИН — начальник отделения оперода, непосредственно руководивший охраной

С.М.КИРОВА, был назначен на эту работу в сентябре 1933 года, а до этого работал в техническом отделении отдела связи и никаких навыков и знаний организации охраны не имел. Начальник оперода ГУБИН в июле 1933 года допустил выезд С.М.КИРОВА из Ленинграда в Москву на автомашине в сопровождении лишь одного сотрудника и не принял никаких других мер, гарантирующих его безопасность. Несмотря на столь серьезное нарушение, ГУБИН не был заменен другим человеком, который смог бы должным образом организовать охрану и обеспечить безопасность С.М.КИРОВА.

Беспечность в деле охраны С.М.КИРОВА видна и в факте первого задержания НИКОЛАЕВА.

15 октября 1934 года НИКОЛАЕВ вел наблюдение за С.М.КИРОВЫМ, чем вызвал вполне обоснованное подозрение сотрудника оперода ПАУЗЕРА и был последним задержан и направлен в УНКВД. В УНКВД ограничились тем, что проверили личные документы НИКОЛАЕВА и затем по распоряжению нач. оперода ГУБИНА отпустили его. При этом работники оперода не обратили внимания на то, что у НИКОЛАЕВА за несколько месяцев не были уплачены членские партийные взносы, не удосужились собрать на него характеризующие данные и, что особо бросается в глаза, после освобождения не обеспечили его агентурным наблюдением.

1 декабря 1934 года С.М.КИРОВА от дома до Смольного сопровождали 2 сотрудника, вели наружное наблюдение у здания Смольного 3 сотрудника, один сотрудник вел наблюдение на 3 этаже, в приемной дежурил БОРИСОВ, который обязан был встречать С.М.КИРОВА при входе в здание и сопровождать до кабинета.

28 апреля 1956 года